

ЗАПАДНЫЙ ФОРПОСТ

Свободная газета

№ 36
май 2019

свободных поэтов

Андреаполь - Пено - Торонец

Нелидово - Белый

ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ АНГЕЛ

Иосифу Бродскому

За рубашкой полезешь в шкаф –
глядишь, день прошёл.
Сыплется из горшка
дырявого порошок
времени. Вся и власть
твоя – на коросту крыш
сброситься, когда, власть
покорчившись, гора мышь
родит. Когда обожгут
кнутом чужие слова.
Кровь остановит жгут.
Но если горит голова,
причём горит изнутри,
туши её, не туши –
без толку. Сиди, смотри
на всё и прищур души
оттачивай. Он тебе
ещё пригодится. Вдруг
когда-нибудь в Коктебель,
закатишься, где из рук
чаек кормя, слезам
дашь волю – ведь для тебя
откроется, как Сезам,
одна из тайн бытия,
которую поутру –
а утро, поверь, придёт! –
ты ощутишь, как Брут –
под тойгой кинжальный лёд,
которая – нет, стой,
дослушай! я век молчал! –
окажется вновь пустой
и вытертой, как причал...

Отчалишь с него и ты
и будешь, кляня ковчег,
прислушиваться, как винты
проматывают твой век.
Чтоб снова побитым псом
вернуться в бетонный лес,
где даже ангел крестом
пришпилен к ситцу небес.

**Владимир Юринов,
Андреаполь**

«А музы не молчат!»

Проходящий накануне Дня Победы деревне Борки Псковской области всероссийский праздник фронтовой поэзии в этом году отметил своё 35-летие. Тверские стихотворцы – постоянные участники этого ежегодного события. На этот раз их делегация состояла из поэтов Владимира Львова, Ивана Демидова и Валентины Карпицкой из Твери, а также нелидовца Игоря Столярова.

Приезд наших авторов в Борки состоялся вечером накануне выступления, что позволило им обсудить предстоящее событие, а также тепло пообщаться с давними знакомыми – местными поэтами Верой Сергеевой и Александром Себежаниным, Владиславом Исмагиловым из Подмосквы и другими.

Мероприятие по традиции состоялось на площадке у литературно-художественного музея истории Великой Отечественной войны имени Ивана Васильева — писателя-публициста, фронтовика, лауреата Ленинской и Государственной премий и основателя поэтического праздника. Началось оно с литии по погибшим в годы Великой Отечественной войны, которая была отслужена на

мемориальном комплексе «Скорбящая». Затем все участники возложили цветы к братской могиле, где покоятся более 300 воинов Советской Армии. В самой же концертной программе выступили около 20 писателей и поэтов из Московской, Тверской и Псковской областей. Помимо авторов, в празднике приняли участие и юные чтецы. Они прочли стихи Сергея Михалкова, Александра Межирова, Булата Окуджавы, Ивана Забуга, Игоря Григорьева, Алексея Недогонова, Дмитрия Кедрина, Бориса Кострова. Предваряя бессмертные строки, ведущий праздника, литературный критик Валентин Курбатов сказал: «Это отдельное поколение героических личностей, испытавших на себе тяготы военного и послевоенного времени. Они сегодня снова сойдутся на этой лестнице, они сегодня снова рядом с нами, в Бессмертном полку... Вслушаемся же в слово русской поэзии». Звучали в этот день и военные песни.

А после концерта поэты собрались в стенах музея, чтобы прочесть друг другу стихи, обменяться книгами и поделиться творческими планами.

Светлана МИРОНОВА*Пено*

Светлана Миронова родилась в 1973 году в Смоленской области, однако посёлок Пено она считает своей второй родиной. Работала помощником воспитателя, младшим воспитателем в детском саду.

Светлана – участник и лауреат различных литературных конкурсов. Её стихи публиковались в периодических изданиях, а также в коллективных сборниках поэзии Пенковского литературного объединения «ПЛОТ».

Кроме того, Светлана – активная участница художественной самодеятельности, а также исполнительница песен – в том числе и на её собственные стихи.

Секрет

С тобой мы всё время упорно воюем,
Как будто военная крепость наш дом.

Нервишки мотаем, здоровьем рискуем,
И головы оба на плаху кладём.

Мужчину к порядку, увы, не приучишь,
А женщину трудно заставить молчать.

И вот выясняем, кто хуже, кто лучше,
И нам середины никак не сыскать.

Измучились оба и тихо уселись,
Наохлились – каждый в любимом углу.

И как мы влюбились? И как только спелись?

Уж сколько годков оттрубили в трубу!

С секретом ларец открывается

просто

(А может, секрета волшебного нет):

Когда на двоих всё – и небо,
и звёзды,
И горе, и радость, и тысяча бед, –
Хорошего вдвое становится больше,
Плохого уменьшится вдвое как раз!
Так может, не стоит нам ссориться
дольше?
Оставим счастливой любви
про запас!

Встреча

По бокалам вино разливай,
Мы отпразднуем встречу!
Мы знакомы давно,
А не виделись тысячу лет.
За окошком темно,
Только звёзды похожи на свечи,
И луна высоко –
Там, где холод, и времени нет.
Ты меня обнимай,

Позволяя в объятьях согреться.
Я надеждой жила,
Я уже научилась прощать.

Этот ветреный май
Растревожил застывшее сердце,
Я обиды сожгла

И душе запретила страдать!

Мне в любви не везло,
Ну так что же – весна наступила,

Птица счастья крыло
Распахнула над грешной землёй.

Жизнь играла со мной,
Насмехалась, а может, шутила,

А сегодня свела
Наши судьбы под новой луной!

Мы сейчас так близки,
И я рада, что это возможно,

И разжались тиски,
Что тоскою сжимали мне грудь.

Но слова о любви
Я прошу говорить осторожно,

Чтобы робкое счастье
Моё невзначай не спугнуть...

* * *

Я не знаю, возможно ль это,
Только хочется всё равно

Распахнуть свои окна в лето,
Чтобы стало опять тепло,

Чтобы ветер с лугов ворвался
Ароматом медовых трав,

Чтобы шмель на цветке качался,
Шелестела листва дубрав...

Чтоб, увидев цветов букеты
На раскрытом своём окне,

Догадаться: ты рядом где-то,
Снова думаешь ты обо мне.

Чтобы к солнцу тянулось тело,
А душе захотелось петь!

Чтобы сердце стучать хотело,
А не вздрогнуть и замереть...

Судьба-электричка

Живём, как умеем, сгорая,
как спички.

Спешим за судьбою.
Судьба – электричка,
В маршруте которой полно
остановок.

Путь короток будет, а может быть,
долг.

Но времени стрелки сойдутся
однажды,

И рельсы прервутся, и станет
неважно,

Куда мы спешили, чего мы хотели,
На что мы надежду когда-то имели,

Кого мы любили, о чём горевали,
Кого обожали, кого обижали,

За что мы прощали когда-то кого-то.
Исчезнут заботы. Останутся фото.

А мы догорим и погаснем, как
спички,

Отправится в вечность
судьба-электричка...

* * *

От станции «Начало» до станции
«Конец»

Наш поезд раскачало на гулких
стыках рельс.

А он стрелою мчится, торопится,
летит

Туда, где очутиться нам всё же
предстоит.

В неведомые дали неведомых
широт,

Где нас всё время ждали, а мы –
наоборот.

Туда, где спросят строго у каждого
из нас:

А что ты за дорогу хорошего запас?!

Приходят сны

Приходят сны цветные по ночам –
Несбыточных надежд в них

очертанья,
Друзья, которым не вернуться к нам,
Воспоминанья в них и предсказанья!

Там девочкой с сиреневым бантом
Я с куклами беседую и плачу.

Вновь прихожу в наш опустевший
дом,

В котором было всё тогда иначе,
И вижу: улыбается отец,

Хлопочет мать на кухне над
блинами.

И нет разбитых судеб и сердец,
И будущее где-то за горами...

Дали прячутся в туманах,
Журавли летят на юг.

Руки греются в карманах,
Шелестит листва вокруг...

Нет «мобилки» у природы,
Листья вместо СМС.

Лето шлёт прогноз погоды:
«Холодает! эС-О-эС!»

Хочу быть страстной...

Разговор их перешел на зубную тему потому, что Сонька рассказала прочитанный накануне в «Одноклассниках» анекдот:

– Ваня, принеси мне зубы. Там, в стакане...

– Зачем они тебе ночью?

– Я хочу быть страстной! Я хочу кусаться!

Рассказывала она ярко, гримасничая, в красках изображая ситуацию, меняя голоса на мужской-женский, где требовалось. Так что картинка предстала, как живая. Отсмеявшись, подруги продолжили тему уже серьезно.

– Правда, у многих теперь зубы в стакане, – добавила Татьяна, – я сразу вспомнила твой, Светик, рассказ, как тебя от кавалера отвернуло, когда ты увидела его оскаленные зубы на полочке в ванной...

– Так это когда случилось, – лет одиннадцать назад, – тогда ещё зубной вопрос у нас вообще не стоял на повестке... Но что было, то было: роман закончился, не начавшись. Теперь бы я иначе к этому отнеслась. Хотя у самой и сейчас в наличии все 32 родных.

Три подруги болтали ещё пару часов, ведь виделись не часто. Жили в разных городах, собираясь изредка у одной из них. Дружба была давней, почти тридцатилетней, поэтому темы в разговорах касались даже самого сокровенного. Но не злословили, такой привычки у них не имело. Речь вели о себе любимых, откровенничали о мужьях, настоящих и бывших, и кавалерах, то и дело случавшихся у тех, чьи мужья теперь числились в прошлом.

Беседы эти расслабляли души, поселяли в них тепло и ощущение комфорта. Это было что-то наподобие психотерапевтических сеансов. «Релакс», – называла их Соня.

Они бы поговорили ещё, но Светлана заспешила на свидание. С предметом, вызвавшим заочный интерес, она познакомилась в «Одноклассниках». Он оказался жителем того же города, что и подруга. Нет, он не был причиной приезда. Светлана стремилась именно к подругам, но не использовать подвернувшуюся ситуацию было бы глупо.

– Так, ты проверь, – весело напутствовала её смешливая Сонька, – может ли он быть страстным, а главное – кусаться?

– Да ну тебя, шалопутная, – отмахнулась на пороге, – и, хохоча, выскользнула за дверь. – Вернусь, доложу тебе во всех подробностях, что и как.

Новый знакомый оказался на вид даже приятнее, чем маячил на аватарке и иных фотографиях в сетях. Ещё издали он блеснул белозубой улыбкой, что расшемило женщину:

– Ну, у этого зубной вопрос точно не стоит ребром, – подумала она.

– Чему смеёшься? – спросил Лёша доброжелательно.

– Да так, анекдот подруга рассказала забавный.

– А мне можно его услышать?

– Да там зубная тема, – отшутилась она, – вас это вряд ли касается.

Алексей как-то странно на неё взглянул и интуитивно, будто что-то проверяя, быстро поднес руку к верхней губе, но промолчал.

«Чего это он?» – не поняла Светлана неожиданного жеста партнера, и тут же забыла об этом.

Беседа сразу пошла: говорить нашлось о чем, собеседник был словоохотлив, нашлись и общие предметы для разговоров, и даже общие знакомые. Они быстро и естественно перешли с «Вы» на «ты», почувствовав себя на одной волне.

А вечер стоял для апреля исключительный. Целый день в тени было около двадцати, но сейчас жара отпустила. Солнце ещё только подумывало: опускаться ли ему за горизонт, хотя потихоньку склонялось к этому. Травы, как и цветов, почти не было, но весенние запахи уже будоражили, обещали что-то новое, интересное.

Они тут же отменили предварительное намеченный по интернету поход в кафе – сидеть в такую погоду в помещении было бы преступлением. Решили, что Алексей покажет гостю город. Она, хоть и не впервые здесь была, но всё как-то наскоком, и с охотой согласилась окунуться в практически неизвестную атмосферу чужого городка глубже.

Уже совсем к сумеркам, перемерив шагами полгорода, посетив все интересные места, подошли они к одной из главных достопримечательностей: двухметровой фигуре шахтёра. И когда увидели, что снимок на память на фоне густого заката не удался, решили, что пора возвращаться. Светлана сегодня в ночь уезжала домой.

Хотя она ещё и не решила, нужен ли ей этот наклеивающийся роман, ей нравилось, что Лёша, ведший себя очень предупредительно, то и дело стал спрашивать, когда она приедет снова. Говорил о том, что сейчас он полностью свободен, только вот одно небольшое дельце в Великих Луках завершит с тамошними эскулапами, к которым у него на днях появились претензии. Ей хотелось бы уточнить: свободен от чего? От дел или отношений? Но события торопить не спешила. Считала, что жизнь всё расставит по своим местам. Так не раз бывало с нею.

В густой темноте остановились они

Маргарита ПЕТРОВА,
г. Андреаполь

у Софочкиного подъезда. Бросив быстрое «до встречи», Света уже занесла руку над кнопкой домофона с нужным номером, как вдруг Лёша предупредительным жестом остановил её и взял было за плечи. Но тут случилось совсем неожиданное...

Наши судьбы... Кто выбирает для нас пути-дороги? Кто переплетает и распутывает наши тропинки или обрывает их в самый неожиданный момент? Какой невидимый кукловод придумывает сценарий игры, завлекает в него, подсовывая исподтишка предсказания и под-сказки, заставляет исполнять роли, превратив иногда обещанный лирический роман в водевиль или даже развесёлый анекдот? Но уж точно не мы сами.

Хотел ли герой-любовник, намеченный кукловодом на роль уже с момента рассказанного подругами анекдота, поцеловать героиню на прощанье, что было бы вполне уместно, или просто сказать что-то важное на ушко, теперь можно только гадать. При довольно высоком росте ему пришлось серьезно наклониться. И тут произошло то, что произошло. Он вдруг отпрянул со словами:

– Нет, лучше я сделаю это сам, чем они упадут на асфальт, – и быстрым движением коснувшись верхней челюсти, вытащил изо рта ослепительно блестящие в свете подъездного фонаря зубы и стремительно спрятал их в кофр фотоаппарата.

В это время домофон сработал. И скрывшаяся в гулком чреве подъезда героиня успела услышать лишь начало его сбивчивых объяснений по поводу предстоящей поездки в Великие Луки...

* * *

Присвоим непреложность
уравнений
Неравенствам не тех неверных
цифр.
И чтоб поверить в правильность
решений,
Смысл замыслом пустяшным
извратив,
Стократ измерим не свои пути,
На «просто так» потратим
невозвратность,
Не думая, что время не простит
Нам эту вопиющую халатность,
Что незаметность вычеркнутых
дней
Играет с нами слишком злую шутку.
Обыденно владычица теней
Из бранных жизней крутит
самокрутку.
В куреньи смердном, на костре
веков,
Сгорит неповторимость бывших
судеб.
Растает дым поступков, мыслей,
слов.
И будет пепел – феникса не будет.

*Елена Павлинова,
Тверь*

Ратник

Этот ветер несёт прокалённый
песок,
в этот вечер свирепая свора
закрывает кольцо, и последний
часок
мне остался в долине Фадмора.

Эти руки по локти, по плечи
в крови,
их оружие пеплом покрыто,
эта свора пробраться ко мне
норовит,
предвкушая безумие пыток.

Эти земли забыли за тысячу лет
величавой Зенобии речи.
По песку пробиваются, путая след,
будто волки, сыны человечья.

Эти лица окутаны шарфами тьмы,
ятаганом ухмылка кривая.
Я стрелу посылаю – своим,
за холмы,
и огонь на себя вызываю.

*Мария Парамонова,
Тверь*

Туз

Затянувшаяся осень покрылась ине-
ем. Город, как звёздное небо в Крыму,
был усеян новогодними огоньками – гу-
сто-густо. Казалось, каждый магазин и
салон стремится победить в конкурсе на
самый яркий новогодний костюм. Но всё
это не имело никакого значения, ведь
улицы ещё не укутались в свежее одея-
ло снега. И потому все людские старания
казались почти напрасными, приближа-
ющийся праздник совершенно не чув-
ствовался.

Я немного удивилась, когда позвонил
Юра и пригласил нас на выходные к себе
– в Чернозёрку. Там, вдали от промыш-
ленного шума и загазованного воздуха,
мы часто проводили время летом, но как
только садово-огородный сезон закан-
чивался, возвращались в город. А вот его
жизнь была совсем другой: Юра работал
в городе, но жил круглый год в деревне,
мотался туда-обратно на электричке
каждый будний день. В свои двадцать
лет он остался один: мать года три назад
переехала в город к новому мужу, а най-
ти даму сердца в Чернозёрке или в окру-
ге было невозможно: средний возраст
жительниц колебался от пятидесяти до
семидесяти лет, а таких «невест» Юра не
жаждал. Каждая ближняя деревенька со-
стояла всего из десятка домов, и полови-
на из них пустовала. Несколько деревень
и вовсе вымерли – по житейским меркам
– буквально в мгновение ока. Работы и
денег не было, и бывшие колхозники
просто-напросто спивались – быстро
или помедленнее – у кого на сколько
здоровья хватало.

Уехать из Чернозёрки Юра не мог,
квартирный вопрос не давал ему и шагу
ступить на городскую землю в качестве
нового жителя.

В этот раз мы ехали к Юре по весьма
серьёзному поводу. Его призвали в ар-
мию. Городские юноши всеми силами
пытаются избежать бесполезной потери
времени, но Юре держаться было особо
не за что. Да и незачем. Он отнёсся к при-
зыву спокойно, разве что даже немного
обрадовался. Разнообразия в жизни ему
катастрофически не хватало.

Выйдя из электрички, я вдруг поняла,
что нам всегда везло, когда мы уезжали
из деревни осенью, – было довольно
сухо и солнечно. Но сейчас местность
выглядела угнетающе: просёлочная до-
рога представляла собой настоящее ме-
сиво, а абсолютно голые деревья и не то,
чтобы пожухлая, а грязно-бурая трава,
навевали далеко не солнечные мысли.

Наш дом стоял через один от Юрино-

**Диана МУН,
г. Тверь**

го, и я не могла не обратить на него вни-
мания. Грусть пустых окон безмолвно и
жалобно просила наполнить дом жиз-
нью, а амбарный замок на двери солид-
но и деловито намекал: нечего вам здесь
до лета делать.

– А вы, кстати, в курсе, что Стенька-то
помер? А? – Юра махнул рукой на дом,
разделяющий наш и его. Там жил алко-
голик Стенька, лет сорока или пятиде-
сяти; из-за невероятно опухшего лица
его точный возраст понять было слож-
но. Угрюмый, с грубыми чертами лица,
словно вырубленного из каменного мо-
нолита, он ни с кем в деревне не заводил
знакомств и уж тем более дружбы – бла-
го никто такого общения и не желал. Пе-
рекидывался парой фраз Стенька разве
что с бабой Аней, которая продавала ему
самогонку.

– Умер?.. Допился? – почти не удиви-
лась я.

– До чёртиков, два раза приезжала
к нему «скорая», а последний раз так и
не доехали, застряли в жиже на дороге.
Помните, сколько дней подряд тогда
дождь струячил? Вот дороги-то и раз-
везло все. «Скорая» завязла, а Стенька
и отдал Богу душу. Хотя какому уж там
Богу, алкоголик проклятый. Так над пси-
ной измываться!

– А Туз где?

– Убежал куда-то... Два дня повыл и
пропал.

Сразу же после этих слов в голове
всплыла картина, которую мне довелось
увидеть минувшим летом...

Когда я первый раз с будущим мужем
и его бабушкой приехала в Чернозёрку

на лето, то долго не могла привыкнуть к деревенскому образу жизни. Горожанам, воспринимающим бытовой комфорт, как должное, это всегда непросто. Больше всего меня поразили тот самый сосед Стенька, а точнее – его жестокая причуда. За пару лет до этого он взял собаку и даже сколотил ей будку. Оно и понятно – абсолютное одиночество убивает, а так хоть какая-то живая душа рядом. Да и такие будки в деревне почти в каждом жилом дворе. Но Стенька будку-то смастерил и... заколотил в ней собаку. Сложно представить, как такое могло прийти в голову, но факт остаётся фактом. Он оставил только щёлку, чтобы просовывать Тузу (так назвал собаку) миску с едой.

Вне будки Туза никто ни разу не видел, да и сам собачий дом был сколочен весьма плотно. Единственное, что удалось выяснить: пёс был чёрным и небольшим. Наши окна выходили прямо во двор Стенькиного жилища. Первую неделю, по рассказам всё того же Юры, Туз жутко выл, навевая тоску на всю деревню. Тогда-то впервые Юра и попытался поговорить со Стенькой: выпусти, мол, собаку, живое же существо. Но в ответ он получил лишь ругательства и пожелание не лезть не в своё дело. Стенькину причуду сначала восприняли бурно и обсуждали все, кому не лень, но вскоре стало ясно, что он Туза не выпустит и обращаться к нему, взывая к человечности, бесполезно. На том все и успокоились.

Туз, как ни странно, отчаянно защищал двор, даже не имея возможности делать это, как все прочие собаки. Если кто-то приближался к забору, он начинал звонко лаять и бегать по кругу в будке – насколько хватало места. Это было заметно даже в небольшую щель, в которую пёс часто просовывал свой чёрный блестящий нос. Облаяв друга или недруга, – ему было решительно всё равно, – Туз успокаивался и громко, так что мы всегда слышали, если наше окно было открыто, вздыхал.

Кое-кто пытался даже высвободить собаку в обход хозяина, но отважный защитник упорно поднимал неистовый лай. Более того, особо настойчивым освободителям Стенька грозился отстрелить причинное место, а ружьё у него имелось. Как ни странно – его-то он пропивать не собирался.

Я редко выглядывала во двор с заколоченной будкой; мне было безумно жаль несчастную животину, спящую на собственных испражнениях и питающуюся мелкой варёной картошкой – если повезёт. А бывало и не везло... Периодически Стенька уходил в недельный запой, и тогда Туз голодал. Спасало собаку

только её отчаянное, охлаждающее кровь завывание. Хозяину надоедало слушать этот плач, и, выползая из дома чуть ли не на четвереньках, он приносил Тузу миску с картошкой. Всё той же мелкой. Только сырой. Пёс, захлёбываясь слюной, с причавкиванием хрустел грязной картошкой, и эти звуки казались отголосками из ада – так было жутко.

Четыре года Туз не видел никого и ничего, кроме хозяина и двора. Всё это время он пытался устроить побег. Самым любимым его развлечением был подкоп. Доски будки постепенно гнили от обилия фекалий, которые постепенно отвердевали, и Туз грыз их зубами, а лапами рыл неподатливую землю. Его жилище располагалось в этом смысле совершенно неудачно: земля под ним чуть ли не сплошняком состояла из камней. Иногда Туз делал успехи, но как бы ни был бестолков Стенька, попытку побега он всегда пресекал вовремя, и заколачивал будку снова – крепче прежнего.

Но Туз не терял надежды. Он рыл и грыз снова и снова. Снова и снова. И однажды всё же выбрался на свободу. Стенька был как раз в глубоком запое и не кормил Туза почти неделю. Окончательно озверевшее существо вложило последние силы в очередной побег. Я стала случайным свидетелем этого события.

Туз проделал дырку и сначала высунул морду – тогда я впервые увидела его маленькие, чёрные, какие-то дьявольские глазки. Он был похож на чертёнка, причём далеко не сказочного. Ощувив дух свободы, Туз стал рыть с таким остервенением, что мне даже стало страшновато, хотя в душе я поддерживала его и молилась Богу, чтобы хозяин случайно не вышел на крыльцо. Но тот не вышел, и пёс (какой же он был худой!) наконец вылез из будки.

Его свалывшаяся шерсть была коричневато-болотного оттенка, смотреть на Туза было жутко. Как ни странно, упражнения в беге по кругу не дали его лапам атрофироваться от бездвижения. Туз рванул с места... и стал носиться по кругу, как и прежде. Возбуждение было настолько велико, что он не мог себя хоть как-то контролировать. Побегав так несколько минут, Туз неожиданно остановился, упал, закрыл глаза, и в какой-то момент мне показалось, что он умер от разрыва сердца, не выдержав пьянящего счастья. Но, присмотревшись, я заметила, что он всё же дышит. Отлежавшись, Туз встал и попытался пойти прямо; это ему удалось. Он попробовал идти быстрее – это тоже у него получилось. Преодолеть забор собаке не составило труда, за ним Стенька так

рьяно, как за будкой, не следил, он был скорее символическим.

Туз убежал. Стенька обнаружил пропажу лишь на второй день, когда вспомнил, что пса нужно кормить. Громко и продолжительно выругавшись, он угрозил кулаком в сторону будки и не показывался из дому ещё три дня.

Каково же было моё удивление, когда через неделю я услышала знакомый лай во дворе и подбежала к окну. Туз! Он теперь выглядел значительно лучше, по всей видимости, выкупался в ближайшей речке. Лая, пёс, как прежде бегал по кругу, как бы за хвостом, иногда смешно подпрыгивая. Стенька вывалился на улицу и тоже обалдел. Туз бросился к его ногам, как блудный сын, и стал лизать его сапоги. Стенька был настолько удивлён, что – небывалое дело! – не смог вымолвить ни единого матерного слова. Он только пристально смотрел на пса и молчал.

Туз никуда не ушёл. Но и Стенька заколачивать его в будку больше не стал. Собака поселилась теперь под крыльцом и, как прежде, облаивала всех проходящих мимо. Те же, в свою очередь, любопытно рассматривали Туза – носящегося по кругу. Он делал теперь так всегда, когда испытывал малейшее волнение. Причём носился так резво, что у любопытных наблюдателей начинала кружиться голова уже через минуту.

Но и этим его странная любовь к хозяину-мучителю не ограничивалась. Иногда Стенька садился на крыльцо и задумывался. Неподвижно, со стеклянным взглядом он мог сидеть так часа полтора. Туз ложился к его ногам. Видя, что хозяин его не прогоняет, пёс медленно-медленно, еле заметно, пододвигался к нему всё ближе и ближе. Оказываясь совсем рядом, он также медленно садился на землю и клал хозяину голову на сапог. Потом аккуратно ставил лапы ему на колени и стоял так, боясь даже громко дышать. Стенька не реагировал. Туз ловким движением запрыгивал ему на колени и неуклюже прижимался. А дальше – как в замедленной съёмке – пёс опускал голову хозяину на плечо и блаженно стоял так до тех пор, пока Стенька вдруг не приходил в себя и не прогонял Туза.

Чем заслужил этот жестокий полумный алкоголик такую безграничную преданность? Для меня это так и осталось загадкой...

Основано на реальных событиях

МАЙ

Дразнит надеждой, стихами
лучшими,
Катится, мчится... Держи! Поймай!
Тьмою и светом, цветами, тучами –
Молниеносный, гремющий май.

Есть искупление, оправдание
Птичьей бессонницы, тёплой мглы,
Ведь от расцвета до увядания –
Только один перелёт пчелы.

Трелями ранит, слепит закатами,
Шепчет: «Рассудок оставь, забудь»...
В мае до царства, до Тридесятого,
Кажется, самый короткий путь.

Ты донесёшь к огоньку рассветному
Мятой травой первоцвет в горсти.
Пешему, конному, мотоциклетному
Майских распутий не обойти.

Вот и брожу, и стою некстати я,
Тень прищемив, позабыв дела...
Жизни и тлена рукопожатие –
Лес, где черёмуха отцвела.

*Василий Рысенков,
Торжок*

* * *

Весенний дождь запутался в ветвях.
Не радуется промозглая погода.
Ты от меня как будто в двух шагах,
Хотя прошло уже почти два года.

Судьба из сердца тянет канитель,
Людские судьбы в косы заплетая.
Бывает злой последняя метель –
Засыплет снегом путь к воротам
рая.

А в мае проповедник-соловей
Начнет смущать нескромными
речами.
И по следам снегов, следам дождей
Идет любовь с котомкой за
плечами.

Любить – идти по острому ножу.
Чуть струсишь и она тебя не тронет.
Дай мне ладонь, я правду расскажу...
О том дожде, что путается в кроне.

*Иван Кирпичёв,
Нелидово*

Старый кот

В подвале заброшенного дома, где бегали по ночам крысы, воруя никому не принадлежавшую прошлогоднюю морковь и свёклу, поселился старый кот. Он был настолько стар, что шерсть местами свалывалась в клочья, особенно на длинном и когда-то пушистом хвосте, местами его когда-то гибкое кошачье тело было покрыто лишаями, правое ухо было рваным, а глаза – пустыми и грустными. Жёлтые и почти слепые глаза. Старый кот питался падалью – мёртвыми мышками, птичками, не брезговал жуками и даже картофельными очистками. Он был постоянно полуголодным и поэтому часто дремал, нервно подёргивая во сне кончиком хвоста и выпуская когти. Его память хранила в себе картины грязных и мокрых от дождя улиц, запаха тряпок, которыми мыли полы, звук палочных ударов, часто приходившихся на его хребет, окрики. В молодости старый кот любил наблюдать за полётом мух и осенних листьев, он любил щурить глаза, смотря, как мягкий осенний свет проходит сквозь прозрачные оконные стёкла и гладит его длинную разноцветную шерсть. Он помнил, как переливается варенье на столе, помнил тепло чьих-то рук. Его сны хранили абсолютно все ощущения. Его сны были яркими и постоянно о чём-то говорили ему. Он жил в них другой, непонятной жизнью, где переплелось всё хорошее и плохое, что с ним происходило ранее, смешалось и превратилось в какие-то фантастические миры, в которых ему приходилось быть всегда главным действующим лицом. Иногда он просыпался, подчиняясь неведомой силе, заставлявшей его вставать на больные лапы и брести наугад в поисках пропитания. Необходимость добывать себе пищу всё чаще и чаще начинала тяготить кота. И если бы в его сознании существовало понятие «бог», то кот, вероятно, взмолился бы о помощи, о ниспослании ему не манны небесной, но хотя бы кислого молока... Но старый кот не знал, что такое бог, и поэтому мог надеяться только на себя. Бредя по какой-то дороге, он ощущал, как силы по капле оставляют его. Сделав последний шаг, он лёг на холодный асфальт и закрыл глаза. Тёплые прикосновения вернули кота к жизни. Еле-еле разлепив правый глаз, кот увидел перед чужие внимательные серые глаза. «Котя, проснись, пойдём кушать», – сказали глаза и понесли его куда-то вдоль светлых коридоров. Старый кот поёживался на сильных руках и с опаской озирался вокруг. Он не чувствовал ни многочисленных бинтов на себе, ни зудящей боли в лапах, лишь ощущал себя пустотой. Его пустота улавливала исходящие от рук и глаз волны спокойствия, аккумулировала их в себе и вскоре, переполнившись умиротворением, зазвучала. Старый кот

Екатерина МАГНОЛИЯ,
г. Тверь

вспомнил, как мурлыкал в детстве, когда мама касалась язычком его шерстки, и, назвав на кошачьем диалекте своего спасителя мамой, замурлыкал какую-то новую песню.

Кошачьего бога звали Артуром. Он всегда носил на голове белый врачевательный колпак вместо нимба, а под мышкой – пару книг. Он всегда читал на непонятном языке ритмичные слова и приносил старому коту поест в новый дом – просторный, белый. Кот почти забыл подвал. Кот почти полюбил своего бога, слепо тычась в его ладони, преданно. Он благодарил Артура за ласки кротким мурчанием, он приветствовал его мягким и нежным «мяф», и на прощание царапал тёплые руки, не желая отпускать от себя Тёплого, Непонятого, Доброго. Имя Артура переливалось в кошачьем сознании всеми цветами радуги. Оно заполонило собой все его сны. Кот впервые полюбил человека.

Но однажды, по весне, повинувшись неведомой силе, он спрыгнул с подоконника своего нового светлого дома и побежал. Память гнала его вдоль заборов и узких улиц, мимо многоэтажек и обветшалых жилых домов, туда, где он оставил свою боль и свои тревожные сны, свои воспоминания...

Старый кот вернулся в подвал заброшенного дома, где крысы воровали никому не принадлежавшую морковь и свёклу, свернулся в клубок и уснул. Ему снилось имя «Артур» в последнюю ночь и ничего более. Это имя стало мостиком, по которому кот перебрался в вечность и увидел звёзды. Старый кот шепнул звёздам имя своего бога: Артур. И звёзды улыбнулись и засветили ярче.

Доктору в эту ночь снилось, как его питомец лижет ему руки и мурлычет какую-то непонятную для человеческого уха, но тёплую, светлую сказку.

КОЛОКОЛ

Морозной ночью колокол звучит по-особенному. Звонко. Протяжно. Кажется, что отдаётся этот звон от каждого дерева, от каждого дома. Ухает. Ухает, а потом сливается с остальными радостным праздничным переливом. Накрывает благодатью всю округу.

И будто не ночь уже деревенская, а сказка. И мы, как дети, верим в эту сказку. Хотя - веруем. Мы разбежимся по своим делам. А он, медный наш друг, будет молчаливо нас ждать, до праздника. Дай Бог. Пусть только до праздника.

*Сергей Воробьёв,
Тверь*

ПОЭТ И ВЕЧНОСТЬ

В своём доме на окраине провинциального городка жил немолодой малоизвестный поэт. Однажды я пришёл к нему в гости по пустынной вечерней дороге. Он налил мне вина вне очень чистую кружку. Вдруг среди разговора – за окнами стемнело – кто-то сильно стукнул снизу в пол, и где-то под ногами началась шумная возня. На мой испуг – мы же в одноэтажном доме – поэт довольно улыбнулся: «Там у меня большой подвал, с улицы не видно, коровы живут... Без своей животины сейчас трудно».

Под конец разговор перешёл на метафизику: необычные явления, смерть, жизнь после смерти...

Провожая меня в ночь на призрачную под луной дорогу, захмелевший поэт на прощанье субежёньем произнёс: «А я смерти не боюсь. Я и там стихи писать буду!» Я с удивленьем обернулся к нему и вдруг почему-то поверил, глядя на его внушительно застывший силуэт и вспоминая стук коровьих рогов снизу в его жилище: «А ведь будет и там писать, обязательно будет! Такого ничем не остановишь».

*Александр Горшенков,
Яхрома*

* * *

Ласково ресницы
Солнце щекотнуло.
Сказочной Жар-птицей
В спальню заглянуло.
Я, глаза зажмуря,
Окна растворяю,
Солнечною бурей
Спальню наполняю.
Свежестью дохнуло,
Всюду тихо, мило...
Этим и кольнуло,
Голову вскружило!

*Святослав Кетлеров,
Нелидово*

* * *

Один, в болотистой глуши,
и ни души вокруг.
И нечисть будто бы спешит
замкнуть корявый круг.
Коренья, пеня, дерева-
ты им незваный гость.
Постели стелет мурава-
чтоб навсегда спалось...

Я поздороваюсь с травой,
прощенья попрошу.
У пней, деревьев и корней –
в чём виноват, спрошу.
В шуршаньи лиственном лесном
я различу ответ:
Мы сами страх в себе несём,
В природе страха нет.

Под тяжестью своих грехов,
предвидя час расплаты,
во веки вечные веков –
боится виноватый.
Стыдась, что я искал врагов,
присяду на колени,
представив чавканье шагов
прошедших поколений.

По топям медленно идёт
уставшая дружина.
Заклятья шепчет из болот
вражина-ворожина.
У князя вид совсем смурной –
ведь он идёт на брата.
А комариных полчищ рой
трубит, зовёт куда-то...

*Василий Васильев,
Рамешковский район*

Вокруг огорода...

* * *

*Когда на грядках раком я стою,
Терзают рифмы голову мою...*

Ждёт меня весёлая будущность,
ребята.
Не машина новая – грабли и лопата
Мною приобрЕтены. По доходам
трага.
Буду я весёлою, сытой и горбатой.

**Светлана Большенкова,
Нелидово**

ДАЧА

У меня – под боком дача,
Мой любимый огород.
Развлеченье, не иначе,
Наблюдать, как всё растёт.

Ну, ещё есть развлеченье –
Сложной позою стоять,
Колдовское увлеченье –
Урожай на грядке рвать.

А подкормки и поливки –
Это вовсе полный кайф!
Но зато клубника-сливки,
С ароматной мятой чай.

Развлекаюсь полегоныку:
Там рыхлю, а там – полю.
Талия, как у девчонки,
И ночами крепко сплю.

Занимаюсь огородом:
На него сегодня мода!!!

**Раиса Маккар,
Торопец**

* * *

Куст жасмина возле тына,
В ведрах – зелье, не вода.
Удивительный мужчина
Повстречался у пруда.

С этой встречи в тот же вечер
Началась моя беда:
Огородик не привлечен,
А на грядках – лебеда.

И кустистая крапива
Расцвела в его дворе.
Мы в апреле дались диву –
Оглянулись в сентябре.

**Маргарита Петрова,
Андреаполь**

* * *

Мой огород в двенадцать соток
Весны дождался наконец.
Поливный прошлогодним потом,
Весь в ожидании, подлец!

Бреду к сараю за лопатой...
По небу облачко плывёт.
Над сциллой шмель жужжит
мохнатый,
Стрижей стремителен полёт.

Как хорошо! Природа дышит!
Чу, где-то щёлкнуло... опять...
Не соловей ли там, на крыше?
А, нет! В коленке (твою мать!).

К тому же слышу скрип... калитка?
Но заперта она с утра.
То не спины ль моей визитка–
Недужных позвонков игра?

Пожалуй, брошу я лопату,
Уйду в поля цветочки рвать.
Куплю картошки на зарплату,
Ну, чтоб зимой не зарыдать.

**Светлана Виноградова,
Нелидово**

* * *

Хожу буквой «зю», спиной
надорваться –
Обычное дело для дачной рутины.
Томаты зато – как пасхальные яйца!
Ныряют в листве огурцы, как
дельфины!
Сосед убеждает, что так не годится,
Сосед уверяет, что я не в порядке.
Что б он понимал!– ну, положат в
больницу,–
Зато передачи – с собственной
грядки!

**Пётр Бобунов,
Нелидово
(1954 – 2018)**

* * *

Мы оба пахали на дачах
И городили штакет;
Он умер случайно от сердца,
А я вот как будто и нет.

Он был габаритом в полшкафа,
А я за берёзу мог скрыть
Свою статуэтку-фигуру,
Свою долговязую прыть.

Он был почему-то румяный,
Особенно после ухи,
А я всё какой-то зелёный,
Как будто делишки плохи.

Сосед мой скончался под осень,
Уставший от тяпок и вил,
А я всё такой же зелёный
Его со слезой хоронил.

И, выплакав водки бутылку,
Поехал на свой огород:
Там как-то особенно тихо,
И голубой небосвод...

**Юрий Назаров,
Осташков**

ЭТЮД

По огороду нашему и саду
(вчера я это видел из окошка)
На белых мягких лапах снегопада
Зима весь день гуляла,
Словно кошка.
Потом легла от края и до края,
Хвостом пушистым повиляя
чутьочек.
А нынче солнце, весело играя,
Лучом ей шубку ласково щекочет.

**Борис Зверев,
Рамешковский район**

* * *

С цветка на цвет за сладкою водой
Пчела в саду летает не спеша.
Так забирает знания с собой
К Всевышнему взлетевшая душа.

И словно пары стоптанных сапог
Тела меняем – слишком долг путь.
Но помогает душам сбросить Бог,
То, что потом не вспомнить, не
вернуть.

Созреет в сотах, в улье, сладкий мёд,
Хоть капельки нектара и малы.
Не может умереть и не умрёт
Простое дело маленькой пчелы.

Из века в век –конца дороге нет,
И не всегда дорога хороша.
Рабочая пчела – с цветка на цвет,
Из жизни в жизнь –созревшая душа.

**Иван Кирпичев,
Нелидово**